

Наталия Рогозина

ОГЛЯНИСЬ!

православные рассказы

Наталия Рогозина

Оглянись!

Православные рассказы

«Издательские решения»

Рогозина Н.

Оглянись! Православные рассказы / Н. Рогозина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931029-3

Просто о сложном. Эта книга — сборник житейских историй, вместе с героями которых мы можем по-новому взглянуть на собственную жизнь, а, может быть, и изменить ее в лучшую сторону.

ISBN 978-5-44-931029-3

© Рогозина Н.
© Издательские решения

Содержание

Вступительное слово	6
Свет в твоём окне	7
Потому что люблю...	10
Если наступит завтра	12
Пустые хлопоты	14
Мой лучший друг	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Оглянись!

Православные рассказы

Наталья Рогозина

Иллюстратор Творческая мастерская FrosToпуа

© Наталья Рогозина, 2019

© Творческая мастерская FrosToпуа, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4493-1029-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово

Герои рассказов Наталии Рогозиной – окружающие нас «наши ближние», взрослые и дети, которые имели живой опыт богообщения.

Среди героев не только люди, но и животные – собаки, кошки и птицы. Господь открывает в нас способность к милосердию, состраданию и любви через отношение к «братьям нашим меньшим».

Человек с крестом на груди является воином Христовым, ибо надев его, становится врагом для армии «духов злобы поднебесных» (Еф.6:12). Каждый христианин имеет опыт в противостоянии силам зла, опыт побед в соработничестве с Богом или опыт поражений вследствие собственной самонадеянности. Опытным воинам необходимо передавать друг-другу свой боевой опыт так, как старые солдаты передают его более молодым, чтобы спасти их от возможных ранений или гибели. Таково назначение православных христиан в современном мире. В своих небольших рассказах Наталия делится таким опытом с читателями.

К нашему современному обществу вполне можно отнести слова Христа: «...у них ослепли глаза и окаменело сердце, и потому они не видят глазами и не чувствуют сердцем; но и покаяться они не хотят, чтобы Я помиловал их.» (Иоан.12:40).

Реальные житейские истории в этой книге изложены простым ненавязчивым языком, с умильной интонацией, душевной теплотой и духовной пользой. И с надеждой, что усвоение этого опыта будет способствовать оживлению наших «окамененных сердец».

На мой взгляд, эта книга очень поучительна не только для взрослых, но также для подростков и для детей, что постарше. После прочтения большинства рассказов на глазах проявляются очистительные слезы. А слезы, как писал преподобный Исаак Сирий: «возводят человека к совершенству любви Божией».

Священник Сергей Чечаничев

Свет в твоём окне

В жизни сей нужен сочувственный взор, ласковое слово, то, что в мире самое редкое и самое великое сокровище – внимательное сердце.

Преподобный Амвросий Оптинский

Алевтина Петровна сидела на кухне, тщетно пытаясь разглядеть в окне знакомый силуэт. На улице протяжно завывала метель. Слабая надежда, что дочь Галя вернется домой, таяла с каждой минутой...

Год назад Галина вышла замуж, и молодая семья поселилась вместе с Алевтиной Петровной в квартире. В светлой угловой комнате, окна которой выходили на восток, зять – художник оборудовал творческую мастерскую: установил по центру помещения мольберт и создал хаос, заполнив пространство гигантскими подрамниками и холстами. На подоконниках, где прежде цвела душистая герань, теперь возвышались горы пыльной бумаги. Тюбики с масляной краской, ветошь, пропитанная олифой, кисти, мастихины и карандаши валялись на полу.

Ремесло Дмитрия не приносило стабильного достатка, о чем молодой человек не переживал. Ни кола ни двора у него не было, да и по хозяйственной части ничего он делать не умел. Одним словом, зять был никудышным, и Алевтина Петровна его невзлюбила. Разве для такого она дочь растила, лелеяла?

Руководствуясь лучшими побуждениями, женщина старалась Галю вразумить: «Не пора ли Дмитрию за ум взяться?», – да все без толку. Потеряв терпение, она окончательно сорвалась: словно одержимая, налетела на зятя, высказала все, что хотела, и даже больше. Дмитрий молча оделся и ушел, Галя тоже поспешила к выходу. Алевтина Петровна пыталась ее удержать:

– Куда же ты, доченька? Ведь ночь на дворе...

Но Галина отстранила мать:

– Я люблю его, без него меня просто нет!

Уже через час Алевтина пожалела о содеянном, только исправить ничего не могла: телефон дочери, забытый впопыхах, жалобно пищал в коридоре. Где искать Галю, женщина не представляла и, глядя во тьму сквозь заиндевевшее окно, всматривалась в редких прохожих, прислушивалась к каждому шороху на лестнице, то и дело мечась к дверям, и на третьи сутки совершенно вымоталась от пустого бесплодного ожидания. Она места себе не находила и, мучаясь бессонницей, распустила два старых свитера, смотала шерстяную пряжу в клубки, и вспомнила, как прежде, когда дочь была маленькой, вязала ей теплые кофточки, варежки... А потом, когда Галя подросла, научилась создавать яркие джемперы по образцам из модных каталогов, да так красиво, что от импортных было не отличить...

Машинально набрав крючком петли, женщина с грустью подумала: «Только кому теперь нужно мое рукоделие?», но через мгновение в голове ее возникла мысль: «Не смогла я родную дочь теплом своим обогреть, пусть других детей мои носки хоть чуточку согреют».

К концу недели Алевтина Петровна связала двадцать пар маленьких носочков, сложила их в пакет, отправилась в ближайшую церковь и, оставив сверток под образом Богородицы, ретировалась.

Возвращаясь домой через парк, она заметила у обочины большую лохматую собаку и, удивившись, почему зверь гуляет без намордника, притормозила, огляделась с опаской по сторонам, но вокруг никого не было.

– Где твой хозяин? – вымолвила обомлевшая женщина.

В следующую секунду пес с низкого старта рванул ей навстречу, но, не добежав несколько метров, прижался к земле, подполз на брюхе и лизнул носок сапога. В собачьих глазах было столько тоски, что сердце Алевтины сжалось, и она, забыв об осторожности, протянула руку и погладила пса:

– Видно настрадался ты, бедняга...

Он уткнулся мокрым носом в ладонь, облизал шершавым языком пальцы. На шее животного блеснул ошейник. Нагнувшись, Алевтина прочитала гравировку: «Меня зовут Друг. Если я потерялся, позвони по телефону...» и сказала:

– Пойдем со мной, Дружок. Поедим и разыщем хозяина.

До дома спасительницы пес двигался рядом шаг в шаг, а, едва войдя в незнакомую квартиру, скромно уселся на коврик в коридоре.

После обеда Алевтина Петровна позвонила по указанному номеру. Трубку сняла девушка и, сообщив, что хозяин собаки скончался вчера, попросила больше ее не беспокоить, поскольку Друг ей без надобности.

– Не грусти, – Алевтина ласково потрепала пса за ухом: – Мне очень нужен друг!

Друг оказался собакой воспитанной и неприхотливой в еде. Он понимал человеческую речь, только разговаривать не умел. Проблем с ним не было никаких. Напротив, с появлением питомца у Алевтины Петровны появилась причина совершать ежедневный моцион на свежем воздухе. Прогуливаясь с собакой во дворе, она с надеждой всматривалась в темные пустые окна своей квартиры. Ей так хотелось, чтобы там зажегся свет...

Друг засыпал и просыпался под монотонное постукивание вязальных спиц. Алевтина продолжала распускать свои вещи, из которых получались теплые носки, и, посещая храм, оставляла рукоделие под большой старинной иконой.

Когда в шкафу осталась последняя шерстяная кофта, женщина без сожаления простилась с ней, опять смотала из пряжи клубки и вновь принялась за вязание.

Спустя несколько дней она закончила работу, собралась в церковь и перед уходом погладила пса:

– Не скучай, я скоро вернусь.

Он заскулил, метнулся в прихожую, притащил в зубах поводок.

– Хочешь со мной? Но туда с собаками не пускают.

Поразмыслив немного, Алевтина смягчилась:

– Ладно, уговорил! Подождешь снаружи, только веди себя тихо.

Добравшись до храма, она оставила Друга за церковной оградой, но, как только вошла в притвор, пес принялся громко выть и звонко, заливисто лаять. На этот шум вышел батюшка и, увидав Алевтину Петровну с мешком шерстяных носков, улыбнулся:

– Так вот вы какая, наша тайная благодетельница! Спаси Господи за труды, добрая вы душа.

– Недостойна я похвалы и не добрая вовсе, – Алевтина расплакалась и поведала священнику о своей беде. Рассказала, как хотела разрушить семью дочери, а в результате себя наказала, осталась одна: – Если бы теперь можно было повернуть время вспять, я бы так уже не поступила...

– Вижу, осознали вы собственные ошибки, и раскаяние принесло достойные плоды. Не печальтесь, Бог милостив! – батюшка подвел Алевтину к знакомой иконе. – Это список с чудотворного образа «Всех скорбящих Радость». Попросите Богородицу о помощи, и Царица Небесная похлопочет за вас перед Господом. Все устроится, возвратятся домой ваши дети.

Потеряв счет времени, сокрушенная женщина молилась Пресвятой Богородице. Горящая перед образом лампада вдруг ярко вспыхнула, дохнула теплом, и на душе сделалось так легко, словно камень свалился. Ощувив утешение, Алевтина подумала: «Прав бабушка! Все будет хорошо».

Когда она вышла из храма, на улице стемнело. Друг сидел у забора и терпеливо ждал. Не спеша пройдя через парк, они добрались до дома. Еще издали Алевтина увидела в своих окнах свет, с замиранием сердца влетела в подъезд, поднялась по лестнице к квартире. У дверей пес, почуяв чужое присутствие, оцетинился, зарычал.

– Охраняй, Друг! – прошептала хозяйка, неуверенно шагнула внутрь и возликовала: – Стоять, Друг! Это свои! Свои! Свои!

Потому что люблю...

*Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...*

Майков А. Н.

После уроков Артем с друзьями отправился в кино. Мобильник, установленный на «тихий» режим, три часа вибрировал в кармане, только юноша этого не замечал, а когда спохватился, увидел на дисплее 12 пропущенных вызовов от мамы и стремглав понесся домой.

Он ворвался в парадную, на одном дыхании взлетел на пятый этаж. Дверь квартиры была распахнута настежь, на лестничной площадке толпились соседи, шушукались: «Вот горе-то, горе!». Острый запах лекарства ударил в нос, сердце сжалось от необъяснимой тревоги, Тема шагнул в прихожую и закричал:

– Мама! – и вдруг увидел ее в дальнем углу, заплаканную, с растрепанными волосами.

Из кухни донесся сдавленный голос бабушки:

– Алло! Да, скоропостижно... А кто его знает, почему? Жил, не тужил, а потом вдруг раз – и умер... А? Что? Похороны? Скорее всего, в следующий четверг, да...

До похорон Теме казалось, будто он спит и видит кошмарный сон, однако, сколько бы ни старался проснуться, ничего не получалось. Даже на кладбище он не сразу осознал, что смерть папы – правда: отец, как живой, лежал под одеялом из белых цветов. Лишь когда несколько человек с лопатами подошли к гробу и, захлопнув крышку, начали опускать его в глубокую яму, Тема очнулся и заплакал.

– Слава, Славочка! – мама бросилась вперед, но бабушка ее остановила:

– Нужно держаться, у тебя же ребенок!

Люди выстроились гуськом, принялись кидать в могилу горсти земли и, когда настал черед милостивой женщины в сером платочке, бабушка язвительно прошептала:

– Ой, и наша Танечка тут! Действительно, куда же без нее-то?

Женщина вздрогнула от этих слов, перекрестилась и отошла в сторону. Тема взглянул в ее голубые, как чистые озера, глаза. Они были до боли знакомыми, родными, и на мгновение юноше почудилось, словно сам отец смотрит на него: «Да это же папина сестра, тетя Таня!» – догадался Артем.

Последний раз они виделись лет семь назад, в семье тетушку не привечали. Бабушка скверно отзывались о ней: «Совсем на вере своей помешалась! В юбку длинную обрядилась, с утра до ночи Библию читает, выходные на богомольях проводит. Неизвестно, что у нее на уме... Может, колдует по-тихому, злодейка? Надо нам по медному пятаку под стельки положить, чтоб не сглазила».

Папа тещины разговоры пресекал: «Не говорите глупостей, постыдитесь! Таня – верующая, Богу молится, а мы и мизинца ее не стоим». Но теперь некому было заступиться за Татьяну, и она одиноко стояла на ветру, такая маленькая, худенькая... Артем смотрел на нее и думал: «Нет, человек с папиными глазами не может быть дурным».

Дождавшись момента, когда толпа родственников потянулась в сторону автобуса у кладбищенских ворот, чтобы отправиться в кафе на поминки, Тема метнулся к тете и обнял. Она расцеловала его:

– Знаю, как сейчас тебе тяжело, но не унывай. Смерти нет! Нет ее, понимаешь?

– Как – «нет»?! – Артем отстранился и сначала всхлипнул, а потом не удержался и громко, надрывно завыл. – Вот папа мой лежит в холодной могиле, а вы говорите: смерти неееет?!

– В гробу лишь тленная плоть человеческая, а душа бессмертна и жива. Молись, мальчик! Прости Господа, чтобы смилостивился к участи усопшего раба Своего.

– Я же не умею! И молитв не знаю...

– Это не так важно. Главное, что ты любишь папу.

– Люблю!

– Значит, проси своими словами от чистого сердца: «Господи, помилуй!», и Бог услышит. Вот тебе крестик нательный, надень его и не снимай. Крест – любовь, распятая за нас. Ведь ты же крещеный, Темочка...

– Разве?

– Да, милый! Крестили тебя в младенчестве, только после этого ни ты, ни папа твой в храме ни разу не были. Жаль, не исправить Славику уже ничего, а ты еще в состоянии себе и ему помочь – молись, сынок! И приходи на кладбище на сороковой день, буду ждать тебя в часовенке у входа.

Тут из-за деревьев появилась бабушка и, сдвинув брови домиком, набросилась на Татьяну:

– Нашла время языком трепать! Люди замерзли, устали, помянуть хотят покойника как положено, а ты парню голову морочишь?! – и, схватив Артема за воротник, потащила к «Икарусу».

Поначалу Артем надеть оловянный крестик не решался, просто каждый вечер держал его в руках и вспоминал слова тети Тани: «Любовь, распятая за нас». В эти минуты Тема думал об отце, плакал, и однажды ему сделалось так грустно, так плохо, что он непроизвольно прошептал: «Господи, помилуй моего папу!», и еще раз: «Господи, помилуй!», а потом еще, и еще, и еще... На душе впервые за несколько недель стало невероятно светло. Артем прислушался к себе и удивился: внутри словно бабочки запорхали... Он поцеловал крест, надел на шею и больше уже не снимал.

В день сороковин отца грянули лютые морозы, в школе отменили занятия. Тема проснулся рано, оделся теплее и, замотав нос шарфом, отправился на погост.

Тетя Таня встретила его в часовне, обняла, дала в руку зажженную свечу, подвела к плоскому металлическому столику у Распятия:

– Сейчас батюшка отслужит папе панихиду.

– А что мне делать? – в растерянности спросил Артем.

– Просто стой и молись. Господь милостив и все слышит.

Из алтаря вышел священник с кадилом и торжественно возгласил:

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков!

Во время службы Тема, смахивая слезы, повторял про себя: «Господи, помилуй моего папу!», а потом, когда все закончилось, в бессилии упал на колени и произнес: «Господи! Если Ты меня действительно слышишь, дай знак!».

Через секунду из алтаря вылетела белая бабочка и, описав по храму круг, села Артему на ладонь. Он замер в оцепенении: откуда среди февральской стужи взялось это нежнейшее чудесное существо? Затем осторожно прикоснулся к мотыльку губами, а тот, затрепыхавшись, расправил ажурные крылышки, взлетел ввысь и исчез под куполом.

– Спасибо, Господи! – с восторгом прошептал Тема и улыбнулся от пронзительного осознания, что может поддерживать с папой невидимую связь, которую ни за что теперь не обретет: он будет молиться за отца, а где молитва, там и любовь, и смерти нет.

Если наступит завтра

*Живые отличаются от мертвых не только тем, что смотрят
на солнце и дышат, но тем,
что совершают что-нибудь доброе.
Если они этого не исполняют, то ничем
не лучше мертвых.*

Святитель Григорий Богослов

В прошлом году Мария Николаевна отметила юбилей, ей исполнилось пятьдесят. Несмотря на почтенный возраст, она была женщиной миниатюрной, чем откровенно гордилась, ведь большинство ровесниц выглядело иначе.

Мария тщательно следила за фигурой, старалась больше двигаться и не переедать. Отправляясь на ежедневный променад, она бродила по улицам, рассматривала манящие витрины и, вспоминая былые времена, сокрушалась до слез. Ей хотелось как раньше, пронестись вихрем по прилавкам, складывая в корзину все, что понравилось, но... Теперь об этом приходилось только мечтать! Прежняя беззаботная жизнь казалась сказочным сном...

В профессии Мария Николаевна не состоялась, похоронив диплом инженера в дальнем ящике бельевого комода. Многочасовые хождения по магазинам не оставляли шансов для иной деятельности, и Марию это устраивало. Еще в середине девяностых ее муж открыл собственное дело, которое стало приносить прибыль. С ростом финансовых возможностей появились новые потребности. Автомобиль отечественного производства сменил японский внедорожник с кожаным салоном и бортовым компьютером, а в четырехкомнатной «хрущевке», где проживала семья, случился евроремонт. На помойку отправилась старая мебель, ее место заняли манерные гарнитуры в стиле «ампир», зеркальные шкафы и итальянская кухня из массива дуба.

Достаток позволял супругам поставить на ноги не одного ребенка, но такие мысли в голову им не приходили. Хотелось пожить для себя, да и на воспитание сына Виталика требовалось все больше затрат: получая платное образование в университете, молодой человек проводил зимние каникулы в Швейцарии, а лето – на побережье Средиземноморья.

Долгие годы жизнь Марии Николаевны была нескончаемым праздником. Женщина посещала салоны красоты, к каждому сезону обновляла гардероб в соответствии с тенденциями моды и не менее трех раз в году выезжала на отдых за рубеж. Но однажды все рухнуло, фирма супруга разорилась, и наступила черная полоса.

Воскресные походы по ресторанам сменили домашние обеды, а вместо отборных продуктов на столе появились дешевые и простые, что являлось лишь одной стороной суровой реальности. С затруднительным материальным положением исчезло и бывшее окружение: давние друзья-приятели растаяли, словно дым вместе с разговорами об увлекательных путешествиях по солнечным курортам.

Пытаясь чем-то заполнить образовавшуюся пустоту, Мария погружалась в просмотр телевизионных передач.

Тихим вечером она по обыкновению устроилась в мягком кресле перед широким плазменным экраном, но на мобильник вдруг поступил звонок с неизвестного номера:

– Здравствуйте! С вашим сыном случилась беда. Он поскользнулся, сломал ногу и госпитализирован в клинику...

Все дальнейшие действия Мария Николаевна осуществляла на «автопилоте» и уже через сорок минут оказалась в послеоперационной палате, где лежал сын. Увидав бледного, бес-

помощного Виталика, из ноги которого торчали спицы Илизарова, несчастная мать разрыдалась...

Перелом голени осложнился воспалением тканей, у Виталия поднялась температура. Днем и ночью Мария дежурила у его постели, а на четвертые сутки, совсем обессилив, решила поехать домой, вызвала такси и спустилась во двор.

У выхода из больничного корпуса к ней подошел хромой мужичок в грязных лохмотьях и жалобно произнес:

– Помогите, чем можете, ради Христа!

Прежде Мария Николаевна милостыню не подавала, брезгливо обходя нищих стороной, но теперь ее рука вдруг потянулась за кошельком. В кожаном портмоне оказались крупные купюры, и Мария протянула бедняге тысячу рублей. Мужчина упал на колени:

– Спасительница светлая! Да я на эти деньги неделю кушать буду...

– Ну, что вы! Вставайте с земли, а то простудитесь, – в растерянности произнесла Мария и вручила страдальцу, по щекам которого градом катились слезы, еще несколько купюр.

Очувтившись дома, Мария Николаевна долго не могла уснуть, размышляя о том, как всего на тысячу рублей питаться целую неделю?

Утром за завтраком она по привычке зашла в интернет, чтобы ознакомиться с курсом валют. На глаза случайно попала статья о деятельности одного благотворительного фонда, где рассказывалось о судьбах людей, лишившихся крова и средств к существованию.

До сих пор, проживая счастливую жизнь в созданном уютном мирке, Мария не задумывалась о другой стороне человеческого бытия, наполненного горем и отчаянием. Лишь теперь, соприкоснувшись с бедой, ее сердце дрогнуло: «А ведь я могу пожертвовать бездольным некоторую сумму. Конечно, всех не спасешь, но если хоть кому-то это принесет облегчение, будет неплохо», – рассудила Мария, решив в ближайшие дни перечислить на счет фонда деньги. Правда, выполнить это ей не удалось.

Следующую неделю она провела в больнице у Виталия. В состоянии юноши наметились улучшения, вскоре его выписали домой. Тем временем супруг Марии Николаевны сумел наладить новый бизнес, и жизнь семьи вошла в прежнее русло.

Отправляясь на ежедневный променад, Мария без усталости носилась по магазинам, сметая с прилавков все подряд и, ощущая себя счастливой в созданном уютном мирке, не хотела думать о другой стороне человеческого бытия. Изредка вспоминая о благих намерениях отправить денежный перевод в помощь нуждающимся, мысленно она повторяла: «Не сегодня! Как-нибудь в другой раз... Может, я подумаю об этом завтра».

Пустые хлопоты

...Что может быть несчастнее тех, кто подвизаются в добродетели напоказ людям, омрачают лица свои постами и творят молитвы на перекрестках, когда труды они претерпевают, а всякой награды лишаются?

святитель Иоанн Златоуст

Рассадив бархатцы по цветнику, Евгения освежила могильное ограждение серебрянкой и только устроилась на скамеечке, чтобы помолиться об упокоении усопших родственников, как мирную кладбищенскую тишину нарушил истошный крик. Женя вздрогнула, огляделась по сторонам: «Может, плохо кому-то стало?», – но через минуту уловила в потоке гортанных звуков, несущихся из-за деревьев, едва различимые слова: «...со святыми упокой, Христе...», «...идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание...».

От надрывного пения, походившего на мучительный предсмертный стон, стая испуганного воронья с карканьем взлетела ввысь, а народ, пришедший на погост, всполошился и начал расходиться.

Вскоре кладбище опустело, Евгения тоже засобиравшись домой. При выходе из центральных ворот она увидела женщину, облаченную в длинное платье и платок, повязанный «внахмурку», в которой узнала соседку по даче:

– Анна? Неожиданная встреча!

– У меня здесь бабушка похоронена, – расплылась в улыбке приятельница. – Была на могиле, пела литию,

«Теперь понятно, кто выл на кладбище», – подумала Евгения, а вслух произнесла:

– Как дела, Аня? Как муж, как дети?

– Сложно все! Воцерковляюсь, мечтаю петь на клиросе, но супруг мой далек от духовной жизни – жарит мясо и сердится, что я не ем.

– Отчего же не ешь? Ведь в году всего четыре поста, не считая среды и пятницы.

– Решила отказаться от животной пищи по примеру Святых подвижников, пребывавших в посту и молитве. Ежедневно читаю Евангелие и Псалтирь, приучая домочадцев: отвлекать меня категорически запрещается. Но, как назло, только открою молитвослов, так или сынишка подходит: «Мама, кушать хочу!», или муж кричит: «Белое белье можно вместе с кроссовками стирать?». Отвечаю им: «Не мешайте! Я молюсь!», а они обижаются, – Анна поморщилась и, тербя потертые четки на запястье, продолжила:

– В прошлом месяце, например, собралась в паломническую поездку, а мои все с гриппом слегли, сморкаются, кашляют. Прошу их: «Не приближайтесь ко мне со своими бактериями! Не хочу захворать перед дорогой», а они опять обижаются.

– И ты все равно поехала? – удивилась Евгения.

– Конечно, мне же в паломничество надо! Ехала и в пути молилась. Отсечение земных привязанностей – есть путь к святости, – Анна демонстративно выставила вперед ногу в стоптанном сапоге. – Пренебрегаю украшательством внешности, хотя могу позволить себе многое – муж прилично зарабатывает, но разве Святые в земной жизни о наружности пеклись? – и, окинув Женю критическим взглядом, с одобрением произнесла: – Туфельки на тебе старенькие, плащик скромный, ни следа косметики на лице. Молодец! Видно, что стремишься к духовному росту.

– Все гораздо проще, Аня: пока с детской коляской десять кругов по парку навернешь, в поликлинику сгоняешь, дважды до школы добежишь, туфли сами изнашиваются, никакая

обувь не выдерживает. Ну а вечером, когда перемоешь горы посуды, перестираешь кучу белья, да ко сну едва отойдешь, так уже вставать пора, чтобы завтрак семье приготовить, и о макияже думать некогда.

– Жаль, что погрязла ты в кастрюлях и сковородках, мать! Это все – пустые хлопоты, прежде о душе следует беспокоиться.

– Понимаю, однако домашнюю работу никто за меня не сделает. Муж трудится до ночи, приходится везде самой успевать. Старший сын в спортивной секции занимается, а младшенький...

– Суета какая! – перебила Евгению собеседница, мечтательно подняв к небу глаза: – Завтра поеду на автобусе по Золотому Кольцу, буду петь псалмы, молиться. Хочешь со мной?

– Рада бы, но не получится. Деток оставить не с кем.

Анна вздохнула с сожалением:

– Вот я и говорю: истинная молитва – в монастыре, а здесь... Пустые хлопоты!

На том женщины распрощались, и каждая пошла в свою сторону.

Анна отправилась в храм, чтобы просить у настоятеля благословения петь в церковном хоре. До сего дня регент трижды отказывал ей, понимая, что несчастной «медведь крепко на ухо наступил», но Аня не сдавалась. Мысленно она уже вообразила себя на клиросе и, подойдя к автобусной остановке, совершенно забылась, пробасив: «До-ре-ми-и-и-и! Ля-ми-ре-э-э-э!». Окружающие бросились врассыпную, кто куда...

Евгения купила продуктов и, неся тяжелые сумки в руках, по пути домой повторяла: «Господи! Помоги рабе Твоей Анне и научи ее, Милостивый, любить ближних, как саму себя».

Мой лучший друг

*Я не знаю иных признаков превосходства,
кроме доброты.*

Людвиг Ван Бетховен

В предвкушении встречи, посвященной юбилею школы, Соня испытывала радостное и тревожное волнение. За минувшие десять лет в жизни одноклассников произошло множество перемен, и каждому было, чем поделиться друг с другом. Но что сегодня Соня скажет Маше, как посмотрит ей в глаза? Конечно, София понимала, что подруга не догадывается о свершившейся много лет назад маленькой подлости. Свидетелями низкого поступка были лишь школьная тетрадь, мгновенно разорванная в клочья, да пожилая учительница русского языка, которая давно покинула этот мир, преставившись ко Господу. Но от себя-то не скроешься! Давнее чувство вины грузом лежало на сердце, и что с этим делать, София не представляла.

Уже перед выходом из дома в голове возникла светлая мысль: «Нужно попросить у Маши прощения». Да, именно так Соня и поступит! Подойдет к подруге и признается во всем. Сможет ли та ее простить, она не знала. Пусть будет так, как будет...

Много лет назад София была прилежной ученицей шестого «А», гордостью класса и любимицей преподавателей, которые не переставали ставить девочку в пример. Соня состояла в редколлегии школьной газеты, чудесно рисовала, пела, играла на пианино, сочиняла стихи, имела отличную успеваемость по всем дисциплинам, участвовала в районных олимпиадах по физике, химии, математике и литературе, получая за первенство похвальные грамоты.

Ощущая собственную значимость, София не ходила по земле, а летала, горделиво вскинув подбородок и задрав кверху нос. Ее соседкой по парте была худенькая, тщедушная Маша, часто отсутствующая на уроках по болезни. В целом, она была хронической троечницей, нередко получая и заслуженные «неуды» за то, что двух слов связать не могла.

Происходило ли это из-за неспособности усваивать материал школьной программы, или девочка просто ленилась, оставалось загадкой. Но каждый раз, когда Марию вызывали к доске, повторялось одно и то же: она устремляла взгляд в потолок, словно там написано что-то важное, и беззвучно шевелила губами до тех пор, пока преподаватель не вскипал:

– Ну, что же ты, Маша?! Мы слушаем тебя, отвечай!

– Я, это самое... Ну, как там его, это самое... В общем я, это самое, – мычала Мария, продолжая высматривать что-то на потолке.

Как всегда, в классе на мгновение воцарялась тишина и, спустя минуту, дети заливисто хохотали, передразнивая Машу наперебой:

– Ты – это самое! Хи-хи-хи! В общем и в целом, ты – это самое! Ха-ха-ха!

– Все понятно, Мария! Садись. Очень скверно, ты опять не выучила урок, – говорила учительница, нахмутив брови.

За плохие оценки Машу строго наказывали родители, запрещая дочери гулять во дворе, смотреть телевизор и, порой применяя даже крайнее средство воспитания – ремень.

Естественно, Маша боялась гнева отца и матери и старалась избежать очередного наказания. Бедная! Ей так хотелось вместе с детворой играть в снежки, кататься с ветерком на ледяной горке... Да что с того? Свободное время Мария проводила за письменным столом, глядя в тетради, кишашие пометками красных чернил, и под присмотром строгой бабушки выполняла работу над ошибками, ведь конец полугодия был не за горами, а воз и ныне там.

Учеба давалась Маше тяжело. Чтобы избежать появления «неудов» в дневнике, она принялась украдкой списывать все подряд из тетрадок соседки-отличницы. Неважно, было ли это сочинение по литературе или домашнее задание по геометрии, на стол преподавателя ложились две тетради, содержание которых мало отличалось друг от друга.

Такой поворот событий Соню не радовал. Каждый день она старательно готовила уроки, вкладывая в этот процесс уйму времени и сил, а хитрая предприимчивая Маша, незаметно «слямзив» тетрадь, умудрялась ловко переписывать все как под копирку. Разве это честно? Но сколько бы София ни сокрушалась от подобной несправедливости, поймать одноклассницу за руку не удавалось. Затаив на нее обиду, Соня копила раздражение.

Однажды на уроке русского языка учительница дала детям задание написать сочинение на тему: «Портрет друга». Пользуясь случаем, Соня решила отомстить Марии за все и откровенно выложила на бумаге отношение к плагиату. Ее работа получилась не столько объемной, сколько содержательной. Описывая Машу, София не упустила возможности упомянуть, какая она глупая, ленивая и бездарная девочка, пользующаяся чужим трудом, не имея собственного мнения ни по какому вопросу.

Прозвенел звонок на перемену. Положив тетрадь на стол учителя, Соня отправилась домой с чувством выполненного долга.

Следующим утром первым уроком был русский язык. Маша отсутствовала в классе, потому что заболела ангиной. Пожилая учительница достала из сумки пачку тетрадей и принялась ходить между партами, раздавая авторам результаты литературного творчества, оцененного по пятибалльной системе.

Подойдя к Соне, преподаватель вздохнула, протянула ей тетрадь с неизменной отметкой «отлично» и, задумавшись о чем-то, взглянула на девочку поверх очков:

– Твоя соседка захворала, не могла бы ты навестить Марию и передать ей сочинение?

Соня в растерянности закивала головой, послушно согласилась, а после уроков уединилась в темном закутке школьного гардероба, спрятавшись среди вешалок. С нетерпением раскрыв Машину тетрадь, она принялась читать чужое сочинение, испытав удивление, сменившееся стыдом...

Кривым некрасивым почерком Маша нарисовала словесный портрет лучшего друга так, как умела, используя незамысловатые фразы. Она писала про Соню с теплом и восхищением, не оставляя сомнений в искренности своих чувств:

«Мой лучший друг – соседка по парте София. Я хочу стать такой как она, но у меня пока не получается. Нужно еще много работать над собой и подтянуть успеваемость, потому что плохими оценками я расстраиваю близких. Бабушка все время пьет валидол, когда открывает мой дневник. А что я могу с этим поделать? Сколько бы я ни старалась, все остается по-прежнему. Я слишком глупая, бестолковая, и мне так стыдно за это. Очень горжусь и дорожу дружбой с Сонечкой, потому что она добрая, честная, умная и самая лучшая девочка на земле».

Укрывшись от посторонних глаз, Соня долго рыдала в раздевалке, уткнувшись мокрым носом в чье-то пальто. Как же ей было плохо! Она ощущала себя гадкой, испорченной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.